

– «Русская литература серая, как чижик. А должна быть пестрой, неожиданной, даже странной», – частенько говорил нам Геннадий Гор. Он руководил литобъединением при издательстве «Советский писатель», где как раз издавался альманах «Молодой Ленинград». В этом альманахе и состоялся мой литературный дебют.

Это были 60-е, время перемен, свободы. И наше ЛИТО, как и альманах, было таким островком либеральности. Нас больше побуждали, чем приструнивали. Даже Вера Кетлинская, редактор альманаха, хоть и была женщиной властной, а все равно подначивала нас на какие-то вольности, оригинальные ходы.

Это было время Виктора Голявкина, Андрея Битова (который был старостой в нашем ЛИТО, а потом на смену ему пришел я), время группы «Горожане» – молодых и задорных Владимира Губина, Владимира Марамзина, Бориса Вахтина и Игоря Ефимова. К ним потом примкнул и Сергей Довлатов. В своем манифесте они писали: «Нас связывает ненависть к пресному языку... С читателем нужно быть безжалостным, ему нельзя давать передышки, нельзя позволить угадывать слова заранее... Любая игра, любые обманы, разрушение привычного строя фразы – все годится в этой борьбе...». Они несколько раз печатались в «Молодом Ленинграде» и даже подготовили совместный сборник, но, к сожалению, из-за смелости стиля он был отвергнут издательством. Так что свобода хоть и была, но не такой полной, как нам хотелось.

И все же гротеск стал стержнем литературы – на нем оказалось легко держаться. Моральные рамки, политика могут меняться, а гротеск – он как железо...

Собственно, первый мой рассказ, опубликованный в «Молодом Ленинграде» в 1965-м году, целиком построен на гротеске – «Случай на молочном заводе». Помню, что рассказ родился мгновенно. Я читал детектив, и меня развеселила нелепая фраза: «Раздался выстрел, и Петров упал замертво... Прошкин насторожился» Потрясающе! Петрова убили. А Прошкин всего лишь «насторожился»! И за час написала как бы пародия – как шпиона ищут на молочном заводе в горе творога, постепенно эту гору съедая. Рассказ напечатали в «Молодом Ленинграде», он стал популярным и даже ушел в народ. Как-то, спустя много лет, ко мне на дачу в Комарово приехал некий тип из Кемерово и признался, что случайно себе этот рассказ присвоил. Он где-то его услышал и был уверен, что это народное творчество, анекдот... Так что просто записал и опубликовал под своим именем. Только потом, узнав, кто автор, приехал каяться... Мы примирились, конечно, за коньяком (который, кстати, мне же пришлось и купить – гротеск продолжался и в жизни).

Но потом я понял, что только гротеск – это очень густо, надо разбавлять его реальностью. Так появилась повесть «Поиски корня» – в ее основе лежат мои впечатления от совместной с братом поездки по Волге, по местам, где выросли родители и жили родственники. Повесть вышла в «Молодом Ленинграде» в 1968-м году (а до этого в 1966-м, там же были опубликованы мои рассказы «Это именно я» и «Моя бабушка»).

Собственно, в 1968-м должен был выйти мой сборник рассказов «Южнее, чем прежде». Все, кто печатался в «Молодом Ленинграде», автоматически становился кандидатом на выпуск книги, которая выходила в том же издательстве. Один из мэтров того времени написал на мою книжку рецензию, как бы благожелательную, где звучали слова «непринужденность, ирония, сарказм, хулиганство»... Для меня это было комплиментарно, но он не мог и не понимать, что для начальства это – «красная тряпка», сигнал опасности. Книжку отложили на год.

Но, конечно же, я вспоминаю то время с восторгом – несмотря на препятствия, было чудесное чувство свободы, и ощущение невероятных возможностей. Попасть в альманах было – все равно, что пройти пропускной пункт, сесть в автобус, который доставлял авторов в настоящую литературу.

А занятия в литературном объединении при «Советском писателе», где выходил «Молодой Ленинград»! Какие жаркие споры, пара-

доксальные идеи... После занятий, кстати, мы шли сразу в «Европейскую», ни больше, ни меньше. Нам выпало лучшее время – свобода духа совпала с тоталитарной жесткостью цен – всего за рубль можно было достичь счастья. Мы шли в ресторан «Крыша», абсолютно демократичный, любимый богемой, официанты нас знали, привечали, даже давали в долг... Это было время, когда к писателям было особое уважение. Литературой было заниматься престижно и весело.